

ЭСХИЛ И ГРЕКО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

Проф. Н. Ф. Дератани

Войну греков против Персии можно квалифицировать как освободительную войну античного рабовладельческого общества. Греки защищали свободу и независимость своей родины от попыток ее порабощения. Характер этой войны, как войны *освободительной*, подчеркивается и в греческой историографии. «Перед сражением при Марафоне Мильтиад сказал в своей речи полемарху Каллимаху, между прочим, следующее: «Теперь в твоей власти, Каллимах, или подвести Афины под ярмо рабства, или сделать их *свободными*... Если ты присоединишься к моему мнению, то отечество твое будет *свободно*, и государство станет первым в Элладе» (Герод. VI, 109). «Когда знатные спартанцы явились к персидскому правителю Гидарну, и тот убеждал их вступить в дружбу с персидским царем, те ответили: «Совет, который ты даешь нам, односторонен: ты советуешь нам то, что испытал сам, а не то, чего ты не испытал; быть рабом ты умеешь, а *свободы* ты еще не испытал, — сладка ли она, или нет; ведь если бы ты ее испытал, ты советовал бы нам сражаться за нее не только копьями, но и секирами». (VII, 135). «Ибо медь смешается с медью, а Арес окрасит кровью море. Тогда дальновидящий Кронид и благая Победа даруют Элладе день *свободы*» (изречение оракула, Герод. VIII, 77). «Только мы одни из беотийцев тогда вместе с вами напали на мидян во имя *свободы* (слова платейцев лакедемонянам, Фул. III, 54, 3). «Так проникательностью одного человека Греция стала *свободной* и Азия подчинилась Европе». (Корн. Неп., Фемистокл, 5, 3). «Аристид побуждал эллинов бороться за свободу» (Плут. Аристид, 8; см. еще Герод. V, 2, 49; VII, 157; IX, 60; Диод. XI, 3, 1; 3,5; 4,4; II,5; 33),

Ораторы, идеализируя прошлое, ставили в образец современникам патриотизм их предков и особенно прославляли афинян за их борьбу во имя *свободы*; например, Демосфен (Филиппика III, 36) говорит: «Что же за причина настоящего положения? Ведь не без основания и не без справедливой причины тогда эллины рвались к *свободе*, а теперь расположены к рабству. Было тогда, было, афиняне, нечто такое в образе мыслей большинства, чего теперь нет, что и одержало верх над богатством персов и вело к *свободе* Элладу, которая не уступала никому ни в морском, ни в сухопутном сражении» (см. еще Исократ, Панег. 95).

Расчеты персов на измену и несогласия среди греков (Герод. VII, 101) не оправдались. Если в условиях греческого партикуляризма не могло состояться полное объединение греков, то все же огромное значение имел союз Афин и Спарты, обеспечивший победу. На дельфийском треножнике сохранился список 31 государства, которые общими силами испробовали варваров (см. Герод. VIII, 82; Фул. 1, 132).

Великое мужество, героизм, патриотизм проявили греки в борьбе за независимость родины. Перс Демарет у Геродота так предостерегает Ксеркса: «Бедность искони присуща Элладе, а к ней прибавилась доблесть, созданная мудростью и сильным законом; с помощью этой доблести Эллада защищает себя и от бедности и от порабощения» (Герод. VII, 102; см. еще VII, 10, 53).

Среди греков больше других отличились афиняне, которые особенно заботились о спасении Эллады (Герод. VIII, 3; Фукидид, I, 74). Это неоднократно отмечает Геродот, например: «Если бы афиняне, испугавшись угрожающей опасности, покинули свою страну, или даже если бы и не покинули, а остались бы в своей земле и передались бы Ксерксу, на море никто и не попытался бы выступить против царя... Теперь же, если кто называет афинян спасителями Эллады, не погрешит против истины... Приняв решение, что Эллада должна оставаться *свободной*, они побуждали к борьбе всех остальных эллинов» (Герод. VII, 139). Великая освободительная война, потрясшая Элладу, не могла не отразиться и в искусстве. Как известно, живописец Полигнот изобразил битву при Марафоне. Поэты, современники войны (Симонид и др.), прославляли в эпиграммах доблестных воинов, павших в борьбе за свободу родины. Пиндар превозносит Афины в их борьбе с персами. Позже Херил Самосский пишет поэму *Персиды* или *Персия*. Тимофей Милетский в своем номе «Персы», описывая в ярких образах Саламинскую битву, поражение персов и несчастье Ксеркса, прославляет победу Эллады¹. Наконец, события войны делаются сюжетами трагедии, которая в своем начале, будучи крепко связана с родовой мифологической героикой и разрабатывая мифологические сюжеты, все же не могла не откликнуться на грандиозные события своей современности. Фриних ставит в афинском театре трагедию «Взятие Милета» и «Финикиянки»; несколько позже Эсхил — трагедию «Персы»².

В настоящей статье я не имею в виду дать новый полный анализ трагедии Эсхила, как исторического источника и драматического произведения — это делалось неоднократно³. Я остановлюсь лишь на некоторых, не вполне выясненных вопросах: как оценивает Эсхил конфликт греков и персов и что считает он причиной поражения персов; каково было воздействие трагедии на афинских зрителей. На эти вопросы до сих пор нет четкого ответа, потому что в работах об Эсхиле большей частью констатируются факты, но не дается им надлежащего *объяснения*, а оно возможно лишь на основе изучения *всего* творчества Эсхила и вскрытия его идеологической позиции в политической обстановке его времени.

Давно было замечено критиками, что вину за разгром персов Эсхил почти всецело перелагает на одного Ксеркса. Исполненный гордости и высокомерия, он погубил свой народ, бросив его на грабительскую войну против греков, и за это подвергся каре богов. Ксеркс, по Эсхилу, самый худший из всех персидских царей; особенно невыгодно он отличается от своего предшественника, мудрого Дария, а сами персы в лице их старей-

¹ См. работу С. Шестакова. «О «Персах» Тимофея». Ученые записки Казанского университета, 1904, кн. 12.

² Позже Эсхила (в V—IV веках до н. э.) драматург Мосхион поставил свою трагедию «Фемистокл».

³ См. С. Шестаков. Религиозно-нравственные воззрения Эсхила. Ученые записки Казанского университета, 1890; Е. Кагаров, Эсхил как религиозный мыслитель. Киев, 1908; P a t i n, Etudes sur les tragiques grecs, P., 1894; U. W i l a m o w i t z; — M ö l l e n d o r f f, Die Perser des Aischylo; «Hermes», В. 32, 1897; Н. W. S m y t h, Aeschylean tragedy. California, 1924 (о трагедии «Персы», стр. 64—91); P o r z i g, Die attische Tragödie des Aischylos. Leipzig, 1926, G. T h o m s o n, Aeschylus and Athen. L. 1940 (есть библиография); Ч у р и ч М и л о ш. Этика и политика в Эсхиловой трагедии. Белград, 1937.

шин вызывают в трагедии, по мнению критиков, не только уважение, но и сочувствие. Отсюда некоторые даже заключают, что Эсхил хотел прекратить непримиримую наступательную войну с неприятелем, что показом трагедии персов он имел целью примирить свою победоносную родину с побежденным противником. Если Фриниха, идеолог политики Фемистокла, стремился своими трагедиями разжечь ненависть к врагу, то Эсхил, политический противник Фемистокла, имел в виду содействовать окончанию войны с персами, которая теперь была выгодна лишь «демократическим» сторонникам продолжения войны с Персией¹.

Действительно, трагедия не вызывает ненависти к врагу. Основной целью Эсхила было прославить победу греков. Как драматург-трагик, он мог достичь этого только трагедией; но ему трудно было показать трагедию греков-победителей, вызвать в зрителях чувство сострадания и страха, а затем привести трагедию к победному концу. Поэтом, идя по следам Фриниха, Эсхил изобразил победу греков на фоне несчастья и поражения персов. Такая трагедия, как и «Финикиянки» Фриниха, вероятно, не вызывала у афинских зрителей, чувствовавших себя победителями, настоящего страха за судьбу героя и сострадание к нему: едва ли зрители оплакивали судьбу Ксеркса². Конечно, если не во всей трагедии³, то, по крайней мере, в последней сцене Ксеркс мог вызвать скорее не жалость, а презрение, даже соединенное с насмешкой,— например, когда он говорил: «Ослабли у меня колени при виде этих пожилых граждан» (ст. 913 и сл.).

Вполне можно согласиться с Поленцом, что в нашей трагедии Эсхил стремился вызвать у зрителей не чувство страха и сострадания, а лишь жажду победы⁴.

Все же, если трагедия не разжигает ненависти к врагам, можно ли отсюда заключить, что Эсхил этим желал примирить зрителя с персами? Ведь и плач финикийских женщин по их погибшим мужьям в трагедии Фриниха «Финикиянки» мог вызвать у некоторых зрителей жалость к ним; тогда можно было бы сделать вывод также о желании Фриниха примирить зрителя с врагом. Да и сами персы не представлены в трагедии совершенно неповинными в войне с греками; отчасти и они разделяют вину Ксеркса. Так, Дарий говорит, что все персы получили возмездие за свое высокомерие и за безбожные замыслы⁵ (ст. 808), за то, что они, придя в эллинскую землю, не стыдились рушить статуи и сжигать храмы богов (809 и сл.), а эти действия, с точки зрения религиозных зрителей Эсхила, считались тяжким преступлением.

Самый поход на Грецию был внушен Ксерксу злыми советниками из персов (753—758). Об этом подробнее рассказывает Геродот (VII, 9, 11). Далее, если даже Эсхил считал персидский народ мало виновным в затеянной Ксерксом войне, то мог ли Эсхил толкать афинян на примирение с главным виновником войны Ксерксом, который в то время еще был жив? (ср. Фук. I, 137).

¹ См., например, Введение к трагедии «Персы» в издании Academia, М.-Л., 1937, стр. 10—11.

² Ср. P a t i n. Указ. соч., стр. 239.

³ Как это неправильно утверждали многие критики; см., например, издание Schiller в переработке S o n g a d t, 1888, введение, стр. 20, или издание Wecklein — Z w e i g e r, Лейпциг, 1891, введение, стр. 68.

⁴ М. P o h l e n z. Die griechische Tragödie, Lpz., 1930, стр. 52.

⁵ Высокомерие, по Эсхилу, — порождение нечестия (Эвмен. 534); см. К а г а р о в, ук. соч., стр. 32; Ч у р и ч М и л о ш, ук. соч., стр. 155; P o r z i g, ук. соч., стр. 172.

Правда, Эсхил называет Грецию и Персию «родными сестрами» (185 и сл., *κασιγῆτα γένους ταύτου*); в не дошедшей до нас трагедии «Финей», первой в нашей персидской трилогии, афиняне спасают страдающего Финея, внук которого, Персей, был родоначальником персов. Однако все это не говорит о желании примирения с персами. Последняя трагедия была поставлена не для того, чтобы примирить Восток с Западом, и не для этого в трагедии «Персы» Греция и Персия названы «родными сестрами», а для того, чтобы показать, что не следовало персам начинать войну с греками, спасшими их отдаленного предка и находящимися с ними в родстве; но теперь Греция, одна из двух сестер, никогда покорно не впряжется в колесницу Ксеркса (см. сон Атоссы). Поэтому Дарий и ссылается в трагедии на те предостерегающие пророчества (ст. 739, 801), на которые не обратил внимания Ксеркс.

Но самое важное — исторический момент постановки «Персов» в связи с политической позицией Эсхила не мог вызвать поэта на примирение с врагом. В 472 г. до н. э., в год постановки «Персов», шло образование Делосского морского союза. Основной этап войны с Персией был победоносно закончен, однако персы все же готовили новый морской поход против Греции. Как известно, хорегом при постановке «Персов» был молодой Перикл, который в это время еще не примкнул к «демократической» партии (см. Плут., Перикл, 7). Если же Перикл был хорегом Эсхила, то это значит, что он сочувствовал политической позиции драматурга, противника городской «демократической» партии. А прекратить войну с Персией и все средства направить на борьбу со Спартой теперь стремился как раз представитель «демократической» партии Фемистокл; недаром в 471 г. он был обвинен в измене¹. Наоборот, Кимон, к сторонникам которого принадлежал и Эсхил, стремился к дружбе со Спартой и к полному разгрому Персии.

Таким образом, не примирение, а окончательную победу над врагом имел в виду Эсхил, ставя трагедию «Персы», и едва ли можно согласиться даже со Steinweg, который считает, что как ни возбуждал Эсхил зрителей к победе над персами, все же в трагедии он «жалуется вместе с пораженным врагом на чудовищные потери в силе и человеческих жизнях» и что он и в то время предпочитал мир².

Однако бесспорно главным виновником войны и поражения персов выведен Ксеркс:

Увы, Ксеркс повел нас,
Увы, Ксеркс погубил нас,
Это Ксеркс безрассудно повлек всех на морских баржах —

жалуется хор старейшин (550—554). Те же старцы в эклоге нападают на Ксеркса с упреками и пристают к нему с вопросами, где тот и другой персидский вождь (954 и сл.).

Почему же Ксеркс рисуется в трагедии каким-то отщепенцем от своего народа, приведшим народ к гибели? Такая концепция вызвана тем, что Эсхил считал основной причиной поражения персов и победы греков глубокую разницу в их политическом режиме: у персов — деспотия; они

¹ Впрочем, существует гипотеза, по которой действия Фемистокла были признаны изменническими в освещении более поздних аристократических памфлетов, а эти последние были единственным источником сведений о Фемистокле: см. С. Я. Лурье, Плутарх, Избранные биографии. Соцэкгиз, 1941, предисловие, стр. 23 и 362, примеч. 102. Фукидид, описывая изгнание Фемистокла и пребывание его у персидского царя, дает ему блестящую характеристику: Фемистокл умел ориентироваться в окружающей обстановке и, заглядывая в будущее, находить выход из любого положения (1, 138).

² С. Steinweg, Aischylos. Halle, 1924, стр. 179.

рабы царя, их господина; у греков — свобода, «они не зовутся ни рабами, ни подданными какого-нибудь человека», — заявляет корифей Атоссе, а той непонятно (как будто она не знает греков, ср. Герод. III, 134), как же тогда греки, не имея ни одного правителя, выдерживают натиск врагов (ст. 240 и сл.). Таким образом, *Эсхил первый в художественной форме осмыслил конфликт греков и персов социально*, первый представил греко-персидскую войну как освободительную. «Поклялись жители священного Тмола надеть ярмо рабства на Элладу» (49 и сл.); в сновидении Атоссы одна из сестер покорно подчиняется вожжам, а другая (Греция) ломает дышло колесницы, несется без узды и рвет ярмо (ст. 193—196).

Такое понимание сущности этой войны объясняется тем, что проблема свободы и насилия, проблема власти, проблема отношения вождя и народа все время интересовала Эсхила в связи с политической обстановкой его эпохи. Эта проблема возникла еще на стадии общества, отраженного в гомеровских поэмах.

Тогда не было государства, не было «особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию»¹. В первобытной демократии, замечает Энгельс, «не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена»². Но Энгельс, как известно, отмечает и то, что у Гомера мы видим и «начало разрушения»³ древней родовой организации гомеровской эпохи. Среди вождей развивается жажда обогащения, замечается «восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатства»⁴. В эпизоде с Терситом уже отражается начало отчужденности вождей от массы; реалистически показано начало угнетения, возникновение тиранических черт у вождей. Таким образом, уже у Гомера возникает проблема власти, отношения вождя и массы, проблема индивидуализма и гражданских порывов.

В эпоху VII—VI веков до н. э., в период греческой тирании, проблема вождя и массы, как известно, еще больше заостряется. Многие греческие тираны, опиравшиеся в борьбе против родовой аристократии на плутократические элементы городской и сельской демократии и, таким образом, связанные с властью денег, превращаются со временем из представителей народа в вождей с деспотическими наклонностями, отрывающихся от массы. На этой почве, вероятно, в среде беднейших слоев демоса, а также в среде оппозиционной аристократии создается одиозный образ «тирана» (в нашем смысле), деспота, в противоположность народному вождю, который тоже назывался *тиранос* в общем смысле.

Рядом реформ разрушаются остатки общинно-родовых связей. Но и с образованием рабовладельческого государства «моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали»⁵.

И Эсхил — поборник прогресса и развития производительных сил Афинского государства — вместе с тем борется против отрицательных следствий неизбежного исторического развития афинского полиса, против начавшегося угнетения, социального неравенства. Как и Гесиод, Эсхил борется против дерзости, гордости (*ββρις*) и противопоставляет ей спра-

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 365.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 84.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 97. Сохранение родовых традиций Энгельс видит, в частности, в том, что полиция как орудие государства в Афинах набиралась из рабов. «В этом сказывался еще образ мыслей старого родового быта», — замечает Энгельс.

ведливость (Δίκη). Только в обстановке более обостренной, по сравнению с временем Гесиода, политической борьбы эти понятия приобретают у Эсхила более широкое значение, являясь выражением его борьбы против угнетения, насилия.

Основным отличием популярного вождя от «тирана» в узком, одиозном смысле, является, по Эсхилу, то, что если вождь опирается на народ и любим народом, то тиран обращает всех в рабов, которые его боятся. Этим тирания была особенно ненавистна Эсхилу, который был поборником гуманного отношения к рабам. Такое отношение тоже было отчасти наследием родовой эпохи (например, оно было в гомеровском обществе) и шло вразрез с исторической тенденцией развития рабства. Тем не менее с таким взглядом на класс рабов Эсхил становился в ряды передовых умов своей эпохи. У Эсхила видно признание в рабе человека, осознание тяжести рабства. Рабство страшно, — таков общий мотив трагедий Эсхила (ср., например, «Семеро против Фив», 108, 332, 450). И не столько домашние рабы, сколько военнопленные вызывают сочувствие Эсхила, особенно в поздних трагедиях. Кассандра — само воплощение трагизма рабства. Агамемнон просит принять ее ласково, так как «добровольно ведь никто не надевает на себя рабское ярмо» (Агам. 950—953). Электра говорит троянским пленникам: «Не скрывайте ничего из-за страха; ведь судьба одинаково поджидает и свободного и того, кто подчиняется власти господина (Хозф. 103 и сл.). Здесь в зародыше — демократическая идея равенства рабов и свободных. Эсхил предвосхищает последующую передовую философскую мысль, представителем которой был Эврипид.

При таком чутком отношении к рабству становится еще более понятным, почему Эсхил социально осмысливает конфликт греков с персами, почему особенно выставляет свободу своей родины, в противоположность персидской тирании и порабощению, считая именно свободу основной причиной победы Эллады¹. Отсюда понятно, почему Эсхила интересует образ тирана; не случайно, что в той или иной форме, полно или частично, этот образ встречается во всех дошедших до нас трагедиях Эсхила, отражая начало развития насилия, античеловечности, эгоизма, отрыва от общества — всего того, против чего боролся Эсхил.

Уже в трагедии «Умоляющие» египетский посланец — «варвар» — действует тиранически; он обладает «дерзостью тирана» (стр. 845: *δεσποσῖφ ἔδῃ ὄβρει*). В трагедии «Семеро против Фив» нападающие на город вожди — все, кроме одного прорицателя Амфиарая, наделяются тираническим качеством — «дерзостью» (ст. 406), сверхчеловеческой надменностью (ст. 400, 419). В «Прометее прикованном» Зевс, сам не выступающий действующим лицом, выведен типичным тираном; он узурпатор власти, отличается произволом, жестокостью, не доверяет другим; его власть должна быть кратко-

¹ Социально заостренная гуманность Эсхила направлена не только против эксплуатации рабов. У Эсхила чувствуется сознание социального неравенства и среди свободных; видна большая симпатия к беднякам-труженикам. Не случайно хор онеанци в «Прометее» (ст. 890—907) именно бедняков, не эксплуатирующих чужой труд, «живущих трудами рук своих» предостерегает от неравного брака, от несчастной судьбы Ио: «Им лучше не стремиться к браку ни с теми, кто гордится богатством, ни с теми, кто величается своим родом» (стр. 891—893). Но Эсхил не против богатства вообще, а против богатства, приобретенного насилием, с нарушением «справедливости» (Агам., стр. 374—384): «Нет спасения человеку, пресытившемуся богатством и попирающему великий алтарь «справедливости». Однако в той же поздней «Орестее», очевидно, под влиянием усилившейся борьбы с «радикальной» городской партией, Эсхилу кажется, что честным путем богатство приобретает редко, что мир царит лишь в хижинах. По крайней мере, в «Агамемноне» хор говорит: «Справедливость сияет в дымных лачугах; она чтит честную жизнь, но она бежит от золотых чертогов, она не благоговеет перед богатством» (стр. 774—781),

временна¹. В «Орестее» Клитемнестра — тиран, не считающийся с народным мнением (Агам., 1382)², подозревающий заговор черни (Агам., 855); такой же тиран Эгисф — трус, грозящий народу голодом, тюрьмой, колотками и цепями, считающий крики толпы лаем (Агам., 1626—1636).

Тираном выведен и Ксеркс. У Геродота Ксеркс вовсе не такой одиозный, с греческой демократической точки зрения, «тиран», как у Эсхила. Драматург желал вскрыть причину поражения персов, поэтому Ксеркс в трагедии отличается дерзостью, высокомерием (*ὑπερχόμιλος ὕβρις*, 820; ср. 372, 782), трусостью, корыстолюбием. Это — оторвавшийся от народа корыстолюбивый авантюрист, эгоист, поставивший грабительские цели войны (ср. ст. 826) — поражение греков, и за все это навлекший на себя кару и зависть богов. Последняя сцена трагедии особенно назидательна: она показывает наказание тирана и вред тирании³.

В драматургическом плане изображение Ксеркса тираном, в разладе с народом, содействует у Эсхила обострению трагического конфликта, подобно тому как представление Зевса тираном заостряет конфликт в трагедии «Прометей прикованный».

Устами персидских старейшин Эсхил в сущности высказывает желание, чтобы все народы Азии сбросили с себя иго тирании; хор горюет о том, что после поражения при Саламине пало могущество персов, что больше никто не будет подчиняться власти владык (ст. 586 и сл.), не будут падать ниц (588), водворится свобода слова (592 и сл.).

Но Эсхил для более резкого оттенения черт «тирана» показывает, как его антитезу, и положительные, с его точки зрения, образы гуманных вождей, любимых народом. Таков вождь аргосцев, представитель первобытной демократии, мифический Пеласг, большой патриот, боящийся погубить свой город — родовой басилевс, решающий всё вместе с народом и предпринимая не грабительскую войну, а войну в защиту угнетаемых. Таков Этеокл, тоже патриот, «не отличающийся дерзостью тирана и заботящийся о пользе всего народа» («Семеро», ст. 75), Агамемнон, контрастирующий с тиранами Клитемнестрой и Эгисфом, и, наконец, самый сильный из таких образов — образ гуманиста Прометея. Этим объясняется, почему и в трагедии «Персы», в противоположность тираническому Ксерксу, дается положительный образ персидского царя в лице Дария.

Влагая оценку Дария в уста персов, Эсхил этим затушевывает то, что Дарий по существу такой же персидский деспот, как и его сын Ксеркс; недаром тень Дария учитывает возможность восстания в народе (ст. 715). Но, как отмечалось неоднократно, Эсхил идеализирует Дария. Правда, исторический Дарий был более мудрым царем, чем Ксеркс, но Эсхил умалчивает о том, что Дарий предпринимал такие же грабительские походы, как и Ксеркс, — сначала на Скифию, потом на ту же Грецию. Эсхилловский Дарий не отличается тиранической заносчивостью своего сына (ст. 782); хор прославляет счастливое время его правления; это был богоравный государь (711: *ὁς θεός*, 858: *ισόθεος*), любимый народом; он берег свой народ, возвращая из походов людей невредимыми (ст. 861 и сл.). И как разительный контраст этим реминисценциям — появление в последней сцене поверженного в прах Ксеркса.

Конечно, Эсхил не мог не внести и религиозный момент в объяснение поражения персов⁴. Еще вначале хор говорит о коварном обмане богов,

¹ См. мою статью: «Образ тирана в трагедии Эсхила «Прометей прикованный». Доклады Академии Наук СССР, 1929.

² Она вовсе не может «вызывать симпатий автора», как думает Ю. С п а с с к и й в статье «Герои и народ в греческой трагедии» («Театр», № 1, 1939).

³ P o h l e n z. Указ. соч., стр. 47.

⁴ S m y t h с явным преувеличением называет трагедию «Персы» «религиозной поэмой»; указ. соч., стр. 67, 86 и др.

от которого не спастись человеку (ст. 93). Вестник считает виновником всего бога-мстителя (*ἀλάστωρ*) или какое-то другое злое божество (см. 353 и сл.). Ксеркс, поверив ложному сообщению перед Саламинской битвой, не понял «зависти богов» (ст. 362). По словам Дария, какой-то великий демон помутил ум Ксеркса (ст. 724). На Ксерксе сбылось старое пророчание: он пошел против самого Посейдона, связав мостом Геллеспонт¹. Персы потерпели наказание от богов за то, что они грабили и сжигали храмы греческих богов (ст. 809 и сл.), а Ксеркса Зевс наказал за его высокомерие. Особенно в последней сцене Эсхил показывает непрочность человеческого счастья — как мораль для афинских зрителей. Однако, вместе с тем Эсхил, как впоследствии и Геродот, видит причину победы греков в их мужестве (ст. 394), мощи и силе (ст. 237). На вопрос Атоссы, не лук ли со стрелами постоянное оружие греков, хор отвечает: «Ни в коем случае; со щитами и длинными копьями идут они прямо на врага» (ст. 239 и сл.).

Такое противоречие воли божества и воли человека проявляется и в других драмах Эсхила; например, Этеокл, хотя и обращается к богам города («Семеро против Фив», 69 и сл.), все же высказывается так: пусть Зевс охраняет город, но нужно и мужество для защиты родной земли от порабощения (210 и сл.); ведь боги покидают город, если он будет взят (217 и сл.); Этеокл не хочет «влиять хвостом» перед гибельным роком (ст. 704).

Источник силы греков и их патриотизма, по представлению Эсхила, в том, что они не рабы, что они борются не из-за страха перед царем, а это как раз не могут понять персы (см. выше указанный вопрос Атоссы, ст. 240 и сл. и Герод. VII, 103, рассуждение Ксеркса). Источник силы греков также и в том, что они борются за свою родную землю, а эта земля сама помогает им в этой борьбе: «сама земля является им союзницей», — говорит тень Дария (стр. 792): если враги чересчур многочисленны, она убивает их голодом (ст. 794). Вот это мужество, храбрость, сплоченность греков Эсхил и старается превознести и усилить в своей трагедии напряжением всех средств художественного воздействия. Если верить древним свидетельствам, что свою трагедию Эсхил ставил и в Сицилии при дворе Гиерона², то такая тенденция становится еще более понятной.

На самом деле, в войне с персами далеко не все греки были едины; были разногласия (Герод., VI, 109), столкновения (Герод., VI, 85—93; VIII, 74—75), некоторые сдались персам «без принуждения» (Герод., VII, 132); были такие, которые воздерживались, ожидая, на чьей стороне будет победа, и готовы были войти в соглашение с персами (Герод., VII, 168); другие грозили сдать персам, в случае если им не будет оказана помощь (Герод., VII, 172); некоторые проявляли даже трусость (Герод., VII, 132); Эсхил же показывает единый порыв и этим в своей трагедии старается воздействовать на большее единение своих сограждан.

Прежде всего, Эсхил явно стремится поразить мощью и числом персидского войска: «Вожди многочисленного войска, стрелки из лука и конники, вызывающие ужас своим видом, страшные в битве, твердые в своих решениях» (ст. 26—28); страшные, безмерные числом (ст. 40); их ведет Ксеркс, владыка многолюдной Азии; боевые колесницы с двумя и тремя дышлами — «зрелище страшное на вид» (ст. 43); из всей Азии пошли «под мощные знамена царя» (ст. 58) все племена, способные носить меч; непреодолимо и мужественно войско персов (ст. 91); нет такого сильного человека, который мог бы сдержать поток героев (ст. 86); божество и судьба «поручили персам брать вражеские крепости, разбивать отряды конницы и разрушать города» (ст. 104—106). Персы «безбоязненно взирают на священную гладь

¹ Кагаров. Указ. соч., стр. 35; Чурич Милош. Ук. соч., стр. 186, 189; Porzig. Указ. соч., стр. 169 и сл.

² См. Wilamowitz в «Hermes», 1897, стр. 394.

пенящегося при сильном ветре моря» (ст. 109—111). Ксеркс даже преодолел Геллеспонт, перейдя через него по мосту из связанных судов. И вдруг страшное известие — флот персов разбит при Саламине.

Рассмотрим некоторые моменты Саламинской битвы. И в ее описании видна тенденция уменьшать число греческих кораблей и увеличить флот Ксеркса; благодаря этому победа Греции делалась более значительной. «Будь уверена, — говорит вестник Атоссе, — что числом кораблей победил бы варвар; ведь у греков общее число кораблей доходило до трехсот, причисляя сюда и отдельные десять кораблей, а у Ксеркса, я знаю, была тысяча, да особо быстроходных двести семь» (ст. 337—343). Геродот для греческого флота дает число 378, кроме пятидесятивесельных судов (VIII, 48), Фукидид — 400 (I, 74). Историки спорят относительно точности этих цифр; во всяком случае, Эсхил как поэт, да еще влагающий эти цифры в уста вестника, который определял число на взгляд, мог быть неточен.

Переходим к самой Саламинской битве. Давно было замечено, что, говоря об известной военной хитрости Фемистокла и посылке вестника к персидскому царю (ст. 355—363), Эсхил не упомянул имени Фемистокла, но зато, будучи сторонником «умеренного» Аристиды, он устами вестника рассказывает о незначительном эпизоде — взятии пехотой Аристиды маленького острова Пситталеи, захваченного персами (ст. 447—464).

Действительно, по своей идеологической позиции Эсхил приближался к «сельской партии» мелких производителей, которые начинали страдать от развивавшегося рабовладения, силы денег, ростовщичества¹. Отсюда борьба Эсхила с «радикальной» демократической городской партией. Он понимал, что с ее победой связывалась власть денег, эгоизма, отрыв личности от общества, распад единства полиса. Поэтому-то он не сочувствовал политике Фемистокла.

Однако, если Эсхил в рассказе вестника не упомянул имени Фемистокла, то в описании битвы на острове Пситталеи он не назвал и Аристиду, который организовал высадку на этот остров (Герод. VIII, 76). На этот счет очень правильно было замечено², что имена вождей греческого войска не названы Эсхилом потому, что этим разбивалось бы впечатление единства греческого народа, которым-де руководило единое стремление к победе. В противоположность грекам, персы, как безвольная масса, подчиняются вождям; судьбой последних только и интересуется хор; их имена, очень неблагоприятные для поэтического стиля драмы, три раза перечисляются в трагедии.

В оценке качества той и другой армии Эсхил опять исходит из *противоположения греческой свободы и персидского рабства*. Отличие греческой армии от персидской еще в том, что армия персов повинуетя приказу лишь под страхом сурового наказания: навархи должны были отвечать головой, если хоть один греческий корабль прорвется через проходы у

¹ Эсхил не занимал чисто аристократической позиции, как думают многие (как, например, Stejneger, ук. соч., стр. 771 и сл.). Иное дело — его современник Пиндар, у которого замечается несколько подозрительное отношение к трудящимся людям, «постоянно старающимся отогнать голод от своего желудка», — к пастухам землепашцам, птицеводам и к тем, «которых кормит море» (рыболовам); для Пиндара выше те, которые добились славы в играх и на войне и доброй молвы своих сограждан (см. I. Истм. оду, ст. 65—75). Эсхил же с сочувствием относится к трудящимся. Как уже было указано, хор онеанид обращается к людям, «живущим трудами рук своих», и призывает их не жениться на богатых и знатных, имея в виду участь несчастной Ио (Прометей прикованный, ст. 887—893). Если Эсхил к концу своего творчества защищал ареопаг, то по существу не как оплот аристократии, а потому, что это учреждение «не причастно наживе» (ст. 704) и является оплотом стыда и справедливости.

² Еще у Patin, Etudes sur les tragiques grecs, Eschyle, P. 1858, стр. 243. См. еще у Wecklein — Ζωγράφις, Введение, 65.

острова Аякса (367—374). Напротив, греков объединяет и воодушевляет патриотизм, защита родины.

Рассказывая о военной хитрости Фемистокла, Эсхил устами вестника передает слова «одного эллина из войска афинян», которого Геродот (VIII, 57) и Плутарх (Фемистокл, 12) называют Сикинном. При этом Эсхил пропускает известное из Геродота (VIII, 75) сообщение о том, что Фемистокл якобы сочувствует персидскому царю и больше желает победы персам, чем греческому оружию; умалчивает также о том, будто среди греков нет согласия и что они не будут сопротивляться персам. У Эсхила неизвестный грек говорит персам лишь о предполагаемом бегстве греков. Эсхил боится одного намека на распад единства эллинов и на возможность их отпадения на сторону персов; даже говоря о своем противнике Фемистокле, Эсхил все время занимал примирительную позицию среди борющихся партий, стоял за единство своего полиса и всего греческого народа.

В «Эвменидах» под влиянием обострения борьбы партий раздается призыв богини Афины к эринниям «не возбуждать среди граждан войны»; Афина не признает боя «домашних птиц»; пусть будет внешняя война, «в которой будет проявляться сильная жажда славы» (ст. 865). Это должна быть освободительная война против порабощения и в защиту угнетенных. Отсюда уже у раннего Эсхила появляется образ Пеласга, пошедшего войной на защиту дочерей Данаея; отсюда, далее, у него патриотический порыв и призыв к сплочению в греко-персидской войне; отсюда, наконец, величие Прометея, борца против рабства.

В ходе Саламинской битвы, по Геродоту (VIII, 84), греки проявили сначала нерешительность. Первыми напали персы; греки хотели уже грести назад к берегу, но в это время афинянин Амейний из Паллены первый двинулся на врагов; тогда остальные корабли поспешили на помощь Амейнию, и завязался бой. Геродот приводит и рассказ о том, что внезапно появился женский призыв, который пристыдил греков словами: «Безумцы! До каких же пор вы будете грести назад?»

В изображении Эсхила, по прошествии ночи греки стояли на месте и не думали о бегстве (ст. 384 и сл.); не персы, а греки нападают первые; раздались воинственные клики, которые эхо повторяло в скалах; персы испугались, потому что этот пэан эллины пели не к бегству, а направляясь в бой «с мужественной отвагой» (ст. 392—394). И вдруг раздалась патриотическая песнь, знаменующая единство греческого народа:

«Вперед, сыны эллинов! Освобождайте родину, освобождайте детей своих, жен, святилища богов отцовских, гробницы предков.

Бой теперь — за всё» (ст. 402—404).

Корнелий Непот в биографии Фемистокла (4,5) говорит, что Ксеркс был побежден скорее благодаря плану Фемистокла, чем оружием Греции. Фукидид (I, 69, 5) устами коринфян утверждает, что варвар потерпел поражение благодаря собственным ошибкам, а Геродот (VIII, 86) даже сообщает, что и персы в этом сражении показали мужество; из страха перед Ксерксом каждый хотел отличиться, думая, что на него глядит сам царь.

Эсхил не подчеркивает мужества персов, хотя в устах вестника-перса это было бы особенно уместно. По Эсхилу, персы лишь в начале битвы стояли твердо (ст. 412 и сл.). «Когда же многочисленные суда собрались в узком месте, подать никакой помощи друг другу не могли и медными носами стали бить своих же, эллинские корабли умело окружали и поражали их» (ст. 413—418).

Далее следует поэтическое преувеличение: «Нельзя было больше видеть море, так как оно было полно обломками разбитых судов и трупами»

(см. 419 сл.). «Всякий корабль спасался в беспорядочном бегстве» (ст. 422).

Однако, по Геродоту (VIII, 89), те греки, у которых погибли корабли и которые сами не погибли в рукопашной схватке, спасались лишь потому, что умели плавать и переплывали на Саламин, а многие из персов погибли в море, не умея плавать.

Итак, отдавая дань религиозным мотивам, Эсхил выдвигает единство, мужество, патриотизм греков. Вот что было, по Эсхилу, главной причиной поражения персов. На вопрос Атоссы: «Что же, город Афины разрушить нельзя?» — мы слышим такой ответ вестника: «Да, их мужество является для них прочной оградой» (ст. 348 сл.). В эксоде хор заявляет: «Ионийский народ не бежит от копья», а Ксеркс подтверждает: «Да, он мужественен!» (ст. 1025 сл.).

И поставленная через пять лет трагедия «Семеро против Фив» дышит таким же патриотизмом и военной героикой, — это трагедия, «полная Ареса» ('*Ἄρης* *μαστός*), как назвал ее устами самого Эсхила Аристофан («Лягушки», 1021). В этой трагедии, под видом защиты Фив в мифологической гражданской войне, Эсхил воскрешал перед зрителями войну с теми же персами и оборону Афин, а главный герой Этеокл из мифического соперника своего брата Полиника перерастал в мужественного защитника родины против нашествия варваров.

Примечательно то, что нападающих на город вождей (всех, кроме Амфиарая) Эсхил наделяет теми же тираническими чертами, которыми обладают персы, и особенно Ксеркс: они не чтут богов (539 сл.), они обладают гордостью (387, 391, 410), дерзостью (406), сверхчеловеческой надменностью (425, 436). Этеокл и другие мужественные защитники родного города тоже борются особенно против рабства, в которое готовы обратить их враги (75, 471); фиванские женщины боятся именно рабства (112).

Таким образом, отнюдь не примиренческий, а благородный воинственный дух пронизывает творчество Эсхила и после постановки трагедии «Персы». Недаром Аристофан говорил, что Эсхил образами своих трагедий «поднимал сограждан до своих героев» («Лягушки», 1041). У того же Аристофана Эсхил хвалится тем, что, поставив трагедию «Персы», он внушил сильное стремление постоянно побеждать противников («Лягушки», 1026), а «кто посмотрел трагедию «Семеро против Фив», тот воспламенялся ненавистью к врагу» (там же, 1022). Грандиозный образ Прометея сложился отчасти из того же героизма и мужества, вызванных освободительной войной. Время постановки всех этих трагедий не было похоже на эпоху написания «Историй» Геродота, когда греко-персидская война была далеко позади и воинственный пыл против Персии ослабел.

Греко-персидская война заставила греческих граждан больше ценить свою свободу; она закалила Эсхила как патриота, который своим театром поднимал патриотизм у своих сограждан, звал их к единению против общего врага, за свободу против порабощения. Эта борьба за свободу поднимала дух греков, наиболее полно проявляла их патриотизм и дала им блестящую победу в борьбе с Персией, несшей с собой деспотизм и порабощение.

